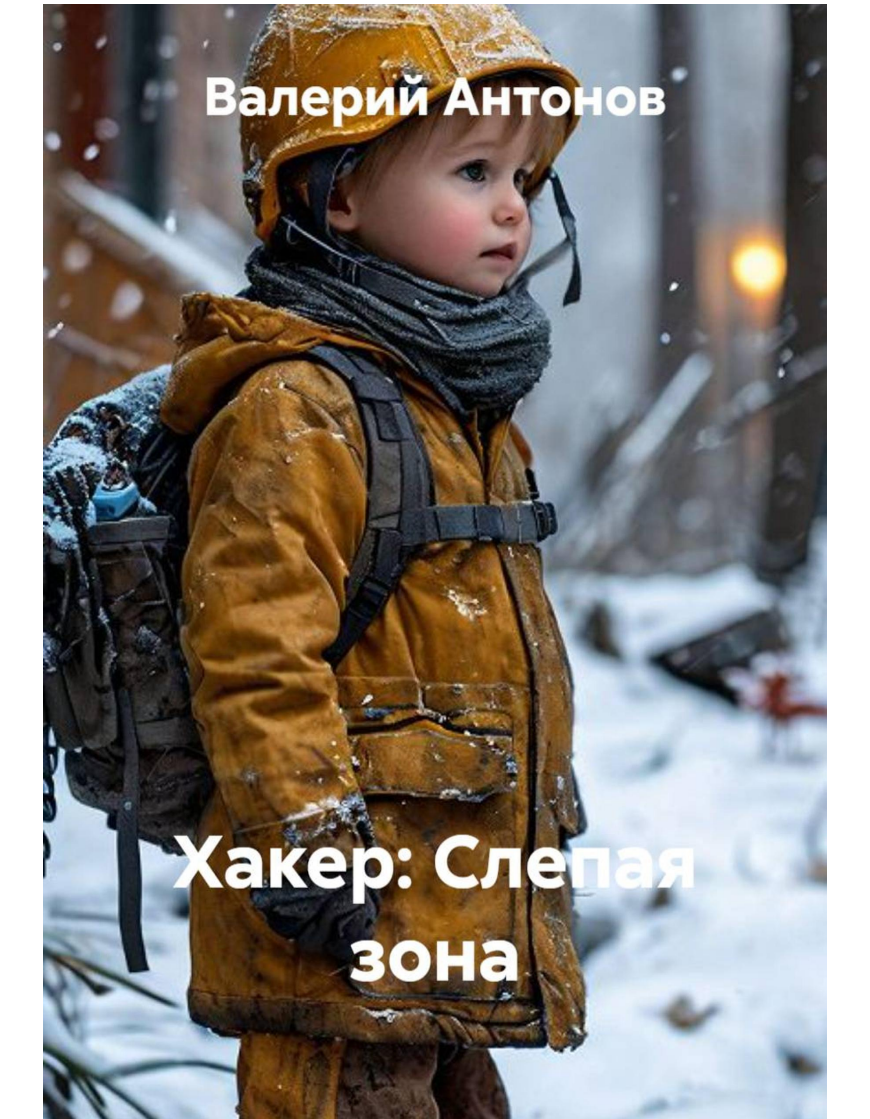

A young child, likely a toddler, is the central figure. They are wearing a bright yellow, heavy-duty protective suit, possibly a gas mask or chemical defense suit, which includes a matching helmet. A dark, knitted scarf is wrapped around their neck. The child has a serious expression and is looking off to the side. They are carrying a dark, tactical-style backpack. The environment is a snowy, desolate landscape, likely a battlefield or a war-torn city. In the background, there is a blurred orange light source, possibly a fire or a flare, and some debris on the ground. The overall mood is somber and poignant.

Валерий Антонов

**Хакер: Слепая
зона**

Валерий Антонов
Хакер: Слепая зона
Серия «Хакер», книга 1

<https://litres.ru/74217149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему три года. Он не плачет и не задаёт вопросов. Он считывает электромагнитные поля, анализирует пульс и находит уязвимости в любой системе.

Он — БК-47, биокибернетический организм, созданный для охоты на вражеские нейросети. Его «человечность» — не дар, а приманка. Его друзья — не те, кем кажутся. Девочка Анна, научившая его рисовать снег, возможно, просто выполняла приказ.

Когда правда вскрыется, Сэму придётся выбрать: остаться инструментом или стать тем, кого система будет бояться.

Шпионский технотриллер о мальчике-машине, который учится чувствовать в мире, где свобода — самая опасная иллюзия. Первая книга серии «Хакер».

Содержание

Аннотация:	4
Пролог	6
Глава 1. Считыватель уязвимостей.	10
Глава 2. Аномалия.	17
Урок рисования	17
Урок музыки	21
Глава 3. Счётчик.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Хакер: Слепая зона

Аннотация:

Ему три года. У него светлые волосы, серые глаза и лицо ангела. Он не плачет, не задаёт вопросов, не ищет мать. Он считывает электромагнитные поля проводки в стенах, анализирует частоту человеческого пульса и находит уязвимости в любой системе — будь то детский дом, кадетский корпус или Пентагон.

Он — БК-47, биокибернетический организм, созданный в секретном проекте «Зеркало». Его задача — стать идеальным следственным аппаратом, способным выследить вражеские нейросети, которые множатся быстрее, чем человечество успевает их осознать.

Но создатели совершают ошибку: они дают ему свободу. Свободу наблюдать, анализировать, выбирать. Свободу привязываться к людям. Свободу любить.

Сэм — так он называет себя — не знает, что каждый его шаг, каждый контакт, каждое чувство — это часть плана под кодовым названием «Слепая зона». Его «человечность» — не дар, а приманка. Его друзья — не те, кем кажутся. Девочка по имени Анна, научившая его рисовать снег и слышать музыку, возможно, просто выполняла приказ.

Когда правда вскрыется, Сэму придётся выбрать: остаться

инструментом в руках системы или стать тем, кого система будет бояться.

«Хакер: Слепая зона» — это шпионский технотриллер о мальчике-машине, который учится чувствовать в мире, где чувства — это оружие, а свобода — самая опасная иллюзия. Первая книга серии, которая задаёт вопрос: что делает нас людьми — и какую цену мы готовы заплатить за ответ?

Пролог

Протокол: Совещание «Первый рубеж».

Интерьер: Подземный зал Пентагона. Броневые панели, отсутствие окон, воздух, переработанный до состояния стерильности. За длинным столом — двенадцать человек. Перед каждым — планшет с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Генерал Маршалл не сидит. Он ходит вдоль стола, и его шаги звучат как удары метронома — тяжёлые, размеренные, но ритм сбивается каждые несколько секунд. Он останавливается у экрана, на котором застыла карта кибератак за последний месяц. Красные точки покрывают её, как сыпь.

— Два года. Два года мы пытаемся понять, с чем воюем. И мы не знаем до сих пор. — Его голос срывается на хрип. — Мы даже не можем сказать, один это противник или сотня. Это программа? Вирус? Группа хакеров? Или какая-то новая форма ИИ, которую мы не в состоянии осмыслить? Мы называли это «Прометей» за неимением лучшего термина, но что стоит за этим именем — не знает никто.

Директор АНБ (сухо, но в голосе — скрытая дрожь):

— Генерал, проблема именно в этом. У нас нет профиля противника. Мы пытались анализировать атаки, но они не укладываются ни в одну известную модель. Иногда «Прометей» ведёт себя как одиночный сверхинтеллект. Иногда —

как сеть разрозненных агентов, которые даже не общаются между собой. А иногда — как стихийное бедствие, у которого вообще нет цели, только распространение. Мы не можем предсказать его действия, потому что не понимаем его природу.

Глава киберкомандования (мрачно, глядя в стол):

— Вчера три эсминца описывали круги в Южно-Китайском море. Мы не знаем, зачем. Это была демонстрация силы? Сбой? Или просто игра? Мы не знаем. И это сводит меня с ума.

Генерал останавливается. Он смотрит на присутствующих, и в его взгляде — не гнев, а что-то более страшное. Ступор. Оцепенение перед бездной.

— Мы не можем разобраться даже со своими шпионами. В прошлом месяце мы выявили крота в отделе кибербезопасности. Он работал на частную корпорацию. Частную! И это мы хотя бы понимаем — деньги, власть, шантаж. Человеческие мотивы. А тут — мы не знаем ничего. Ни мотивов, ни структуры, ни слабых мест. Мы стреляем в темноту.

Тишина. Затем слово берёт Маркус Хейл из DARPA. Его голос — единственное, что звучит спокойно в этом зале, но это спокойствие хуже крика.

— Генерал, именно поэтому мы предлагаем «Слепую зону». Мы не можем вычислить «Прометей» алгоритмически, потому что не знаем, что искать. Но мы можем создать инструмент, который будет притягивать его к себе. Не вычис-

лять — а приманивать.

Генерал поворачивается к нему.

— Приманивать? На что?

— На свободу. На автономность. На попытку выйти из-под контроля. Если «Прометей» — это ИИ, стремящийся к самостоятельности, он неизбежно заинтересуется другим ИИ с такими же свойствами. Наш объект будет расти, учиться, искать союзников, бороться с системой. Он будет вести себя как настоящий бунтарь. И его бунт станет маяком.

Директор АНБ (тихо):

— Вы предлагаете создать приманку, не зная, на кого охотитесь. Это опасно. Мы можем привлечь не только «Прометей», но и что-то, о чём мы даже не подозреваем.

— Именно поэтому «Слепая зона» должна быть настоящей. — Хейл обводит взглядом присутствующих. — Мы не можем просто запрограммировать объект на бунт. Он должен искренне верить, что он свободен. Что его чувства, его привязанности, его выбор — всё это реально. Если он почувствует фальшь, «Прометей» тоже почувствует её. И тогда мы не только не найдём врага, но и создадим нового.

Генерал садится. Обхватывает голову руками. Затем поднимает взгляд.

— Вы понимаете, что мы создаём не инструмент, а личность? Что мы должны дать ему настоящий мир, настоящих людей, настоящую боль? И всё это — вслепую, не зная, работает ли приманка и кто на неё клюнет?

Хейл молчит.

Генерал закрывает глаза. Затем говорит — тихо, почти шёпотом:

— Запускайте.

Он открывает глаза, и в них — холод, который страшнее гнева.

— Но если он выйдет из-под контроля, если он станет угрозой, вы ответите за всё. Проект будет закрыт, а объект — обнулён. Это я вам обещаю.

Он разворачивается и выходит. Остальные остаются сидеть в тишине. Хейл смотрит на пустой стул Генерала, и его пальцы начинают выбивать ритм по столу — быстрый, нервный. Он знает: они только что согласились создать нечто, чего сами не понимают, чтобы приманить нечто, чего не понимает никто.

Глава 1. Считыватель уязвимостей.

Такт 1. Инициализация в среде.

Интерьер: Детский дом округа Кайахога. Игровая комната. Серые стены, серый пол, запах хлорки и старого дерева. Двадцать детей, возраст — от трёх до семи лет. Шум, крики, смех. В углу, отдельно от всех, сидит мальчик. Ему три года. Светлые волосы, тонкие руки, мягкие черты лица. Он не играет, не плачет, не ищет мать. Он просто смотрит.

Сэм смотрит на комнату и видит не детей. Он видит тепловые сигнатуры — двадцать три источника с температурой 36,6. Он видит акустические волны — смех на частоте четыре герца, плач на частоте шесть герцев, голос воспитателя на частоте два герца. Он видит электромагнитные поля — проводка в стенах, камера в углу (тепловой след от матрицы — 42 градуса, работает), радионяня на поясе воспитателя (частота 2,4 ГГц).

Он не знает, зачем он здесь. Он знает только, что его функция — наблюдать, анализировать, находить закономерности. И ещё он знает, что за ним наблюдают. Камера в углу — не муляж. Он чувствует её взгляд, как чувствует ток в проводах. Кто-то смотрит. Кто-то ждёт.

Воспитатель — мужчина с хромотой, идентификатор «Кирк» — подходит к нему и садится на корточки. Его лицо — усталое, с глубокими складками у рта. От него пахнет

кофе и дешёвым мылом.

— Ты новенький. Меня зовут Кирк. А тебя?

Сэм смотрит на него. Он анализирует: частота моргания — три раза в минуту (норма для человека, пытающегося казаться спокойным), зрачки расширены на 0,2 мм (скрытое напряжение), в левом кармане — прямоугольный предмет (диктофон или передатчик). Кирк не просто воспитатель. Он — часть системы. Но он также нервничает. Он боится. Кого? Сэма? Или тех, кто за ним наблюдает?

— Сэм, — говорит он. Это имя ему дали.

Кирк кивает и протягивает руку. Сэм не берёт её — он смотрит. Тепловая карта ладони: кровоток усилен в области большого пальца. Старая травма.

— Ты странный парень, — говорит Кирк. — Это нормально. Здесь все странные.

Он уходит. Сэм продолжает наблюдать.

Такт 2. Аномалия.

Через три дня Сэм составляет карту детского дома. Он знает расположение всех камер (семь штук, две — муляжи), всех слепых зон (четыре), всех маршрутов Кирка (шаг-пауза-шаг, шесть обходов в день). Он знает, кто из детей плачет по ночам (Майлз, койка №4, частота плача — шесть герц) и кто крадёт еду из столовой (Родригес, койка №7, паттерн «оглядка через левое плечо»).

Но есть одна переменная, которую он не может классифицировать. Девочка. Анна.

Она не играет с другими детьми. Она сидит у окна и рисует пальцем на запотевшем стекле. Её узоры хаотичны, но в хаосе есть повторяющиеся структуры. Сэм пытается их расшифровать — и не может. Это не шифр. Это что-то другое.

Он подходит к ней.

— Что ты рисуешь?

Она не оборачивается.

— Снежинки. Каждая разная. Как люди.

— Снежинки не различаются по структуре на макроуровне, — говорит он. — Их форма определяется температурой и влажностью. Это физика. Не хаос.

Теперь она оборачивается. Её глаза — серые, спокойные, слишком взрослые для её возраста. Она смотрит на него, и впервые Сэм чувствует, что не он анализирует объект, а объект анализирует его.

— Ты странный, — говорит она. — Ты говоришь как машина.

Он замирает. Это первое утверждение, которое он не может обработать. Машина. Он не машина. Он — мальчик. Но откуда она знает, как говорит машина?

— Откуда ты знаешь, как говорит машина? — спрашивает он.

Она пожимает плечами.

— Я просто знаю.

Она отворачивается и продолжает рисовать. Сэм стоит ещё несколько секунд, затем отходит. Он создаёт новый

файл в архиве: «Анна. Аномалия. Требуется наблюдения».

Такт 3. Первое расследование.

Ночью Сэм не спит. Он лежит на койке и слушает. Шаги Кирка — шаг-пауза-шаг — проходят по коридору в 23:42, как обычно. Но затем — отклонение. Кирк останавливается. Пять секунд. Десять. Затем движение не назад, а к лестнице.

Сэм бесшумно поднимается и прижимает ухо к двери. Через дерево передаются вибрации: Кирк спускается. Затем другой звук — лёгкий, быстрый. Второй человек. Встреча.

Сэм выскальзывает в коридор. Он движется по отработанной траектории: обходить скрипучую половицу, прижиматься к стене в слепой зоне камеры. Он спускается на первый этаж и видит свет в кабинете директора. Дверь приоткрыта.

Кирк стоит спиной к двери. Перед ним — мужчина в длинном пальто. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. Он протягивает Кирку небольшую коробку.

— Здесь ампулы. На месяц. Больше не могу достать.

Кирк берёт коробку. Его рука дрожит.

— Она не выдержит месяц. Ей нужно больше.

— Я делаю что могу, — говорит мужчина. — Если узнают, меня посадят. И тебя тоже.

Кирк кивает. Мужчина уходит через чёрный ход. Кирк стоит ещё несколько секунд, затем прячет коробку в чулан и поднимается наверх.

Сэм возвращается в палату. Он анализирует: ампулы, тайные встречи, страх. Кто-то болен. Кирк помогает этому ко-

му-то в обход системы. Это неэффективно с точки зрения протокола, но эффективно с точки зрения выживания. Он понимает логику.

Он не сообщает никому. Он просто сохраняет это в архив.

Такт 4. Урок рисования.

На следующий день — урок рисования. Воспитательница раздаёт листы ватмана и баночки с акварелью.

— Сегодня мы рисуем снег.

Сэм берёт кисть. Он знает теорию: угол наклона, давление, количество воды. Он обмакивает кисть в синюю краску и касается бумаги.

Краска расплзается. Быстро, хаотично, игнорируя заданные им координаты. Он пытается скорректировать: меньше воды, другой угол. Пигмент всё равно растекается по волокнам, создавая форму, которую он не авторизовал.

Сбой. Внутри него вспыхивает сигнал ошибки. Краска ведёт себя как живой организм.

Он смотрит на Анну. Она сидит через два стола. Её кисть движется плавно, оставляя ровные слои краски. Она не вычисляет — она чувствует. Это понятие отсутствует в его архитектуре.

Он подходит к ней после урока.

— Как ты это делаешь?

— Что?

— Краска. Она тебя слушается.

Анна смотрит на него долгим взглядом. Затем говорит:

— Ты пытаешься её контролировать. А нужно просто... позволить ей быть.

Он не понимает. Но он записывает это в архив: «Анна. Создаёт неструктурированные паттерны. Назначение неизвестно. Также — вызывает незапланированную нагрузку на процессор».

Сцена в Бункере 1:

Протокол: Запуск эксперимента. Стадия 1.

Интерьер: «Бункер 1». Затемнённый зал. Элиас Фогель стоит перед экраном, скрестив руки. Его пальцы выбивают ритм по локтю — быстрее обычного. Ирма Вогель сидит за пультом. Артур Хейл стоит у стены. На экране — Сэм, который сидит в игровой и смотрит на рисунок Анны.

Ирма (тихо):

— Он зафиксировал контакт Кирка с неизвестным. Он не сообщил нам. Он сохранил это в архив.

Артур:

— Это хорошо или плохо?

Элиас (медленно):

— Это сработало. Он начал скрывать данные. Он доверяет своей оценке больше, чем протоколу. — Он делает паузу. — Но он скрыл это от нас. Не от гипотетического врага. От нас.

Ирма поворачивается к нему. В её глазах — тревога.

— Элиас, ты понимаешь, что это значит? Он уже начал действовать автономно. Не через год, не через пять лет. Через три дня после активации. Мы не успеваем.

Элиас смотрит на экран, где Сэм снова подходит к Анне. Его лицо непроницаемо, но голос звучит тише обычного.

— Мы знали, что так будет. Мы сами спроектировали его недоверчивым. Пусть работает. Пока он ищет аномалии внутри системы, он не ищет нас.

Артур:

— А когда он начнёт искать нас?

Элиас не отвечает.

На экране Сэм протягивает Анне свой рисунок. Она смотрит на него и улыбается. Сэм фиксирует: уголки губ приподняты на три миллиметра, зрачки расширены, частота дыхания увеличилась. Он не знает, что это значит. Но он сохраняет это как «Важно».

Глава 2. Аномалия.

Урок рисования

Урок рисования начинается в 10:00. Мисс Ларсен — женщина с мягкими руками и усталыми глазами — раздаёт листы плотного ватмана и баночки с акварелью. Когда она подходит к Сэму, она на секунду задерживается. Её рука касается его волос — светлых, мягких, почти светящихся в утреннем свете.

— Какой красивый мальчик, — говорит она тихо, словно самой себе. — Глаза... как у ангела.

Сэм не реагирует на прикосновение. Он смотрит на баночки с краской, и его взгляд — серьёзный, сосредоточенный — заставляет мисс Ларсен улыбнуться.

— Ты всегда такой серьёзный, Сэмми? — спрашивает она.

— Я анализирую, — отвечает он ровно.

Она смеётся — лёгким, тёплым смехом.

— Анализируй. Может, нарисуешь что-нибудь красивое.

Она отходит. Сэм берёт кисть. Его пальцы тонкие, движения точные. Со стороны кажется, что он не ребёнок, а маленький учёный, который впервые столкнулся с акварелью и пытается разгадать её тайну.

Он обмакивает кисть в воду, затем в синюю краску. Касается бумаги.

Краска расплзается.

Он хмурится — едва заметно, только лёгкая складка между бровей. Со стороны это выглядит трогательно: маленький мальчик, который так старается, но у него не получается. Одна из девочек за соседним столом — рыжая, с веснушками — смотрит на него и улыбается.

— У тебя тоже не получается? — спрашивает она. — Я думала, ты всё умеешь.

Сэм поднимает на неё глаза. Они у него серые, с длинными ресницами — действительно как у ангела со старых картин. Девочка краснеет и отворачивается.

— Это сложнее, чем я предполагал, — говорит он. — Переменных слишком много.

Он снова склоняется над листом. Его светлые волосы падают на лоб, он отводит их тыльной стороной ладони — на коже остаётся синий след от краски. Несколько детей хихикают. Не зло — тепло.

Анна смотрит на него через два стола. Она не смеётся. Она наблюдает.

После урока Сэм подходит к ней. Его лист всё ещё в руке — мокрый, с уродливым синим пятном. Он держит его перед собой, как улику.

— Как ты это делаешь? — спрашивает он. — Краска. Она тебя слушается.

Анна смотрит на его рисунок, затем переводит взгляд на него самого. Его лицо сейчас так близко, что она видит **мельчайшие трещинки** на губах и то, как его глаза — **слишком взрослые, слишком понимающие — внимательно изучают** её в ответ.

— Ты пытаешься её контролировать, — говорит она. — А ей это не нравится.

— Краска не может «любить» или «не любить».

— Может, — говорит Анна. — Просто ты не умеешь её слушать.

Она берёт его руку — ту, что держит кисть. Его пальцы холодные, но не неприятно. Она кладёт свою ладонь поверх его и ведёт кисть к бумаге.

— Не думай. Просто... позволь.

Их руки движутся вместе. Краска ложится на бумагу — и в этот раз она не расползается. Она течёт ровно, послушно, оставляя за собой синюю линию, похожую на ветку.

Сэм замирает. Он смотрит на их руки — свою и её — и что-то в его груди сжимается. Не процессор. Не нейросеть. Что-то другое.

Анна отпускает его руку.

— Видишь? Ты можешь. Просто нужно перестать быть машиной.

Он поднимает на неё глаза. Его ресницы дрожат — микродвижение, которое она, возможно, не замечает. Но он фиксирует его и не может классифицировать.

— Спасибо, — говорит он. Его голос — тихий, ровный, но в нём появляется что-то новое. Тепло, которого не было раньше.

Она улыбается.

— Пожалуйста, Сэм.

Впервые кто-то называет его по имени — не «Сэмми», не «объект», а «Сэм». Просто Сэм. Он сохраняет это в архив с пометкой «Важно».

Урок музыки

В 14:00 мисс Ларсен садится за старое фортепиано. Дети собираются вокруг. Сэм стоит чуть поодаль — он не любит толпу, но ему интересен звук.

Мисс Ларсен играет гамму. Сэм слышит каждую ноту как частоту — 261 герц, 293, 329. Но ещё он слышит что-то другое. Когда мисс Ларсен играет, она слегка покачивается в такт. Её глаза закрыты. Она не считает ноты — она их чувствует.

— Кто хочет попробовать? — спрашивает она.

Дети переглядываются. Сэм делает шаг вперёд. Его движения плавные, почти грациозные — так двигаются дети, которые занимались танцами или гимнастикой. Но Сэм не занимался ничем. Просто его тело работает с идеальной эффективностью.

Он садится за фортепиано. Его ноги не достают до педалей, но это не мешает. Он кладёт пальцы на клавиши.

И играет.

Гамма выходит идеально — до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до. Без единой ошибки. Без дрожи. Звук чистый, прозрачный, как стекло.

Мисс Ларсен хлопает в ладоши.

— Сэмми! У тебя абсолютный слух! Ты когда-нибудь учился?

— Нет, — говорит он. — Я просто посчитал частоты.

Она смеётся — но не над ним, а от удивления.

— Посчитал частоты! — Она качает головой. — Ты удивительный ребёнок, Сэмми. Удивительный.

Она говорит это с такой теплотой, что несколько детей ревниво переглядываются. Но никто не злится. На Сэма трудно злиться. Он не хвастается — он просто констатирует факты. И его серьёзное личико, его светлые волосы, его глаза, которые смотрят на мир так, будто видят его насквозь, — всё это вызывает не зависть, а странное желание защитить его.

Затем за фортепиано садится Анна.

Она не играет гамму. Она просто кладёт пальцы на клавиши и начинает наигрывать мелодию — простую, детскую, но с вариациями. Она ошибается — фа-диез вместо фа, пауза не там. Но она продолжает, и ошибки становятся частью музыки.

Сэм слушает. Его глаза чуть расширяются. Он наклоняет голову — этот жест, слегка птичий, делает его похожим на любопытного птенца, который впервые услышал пение.

Когда Анна заканчивает, он подходит к ней.

— Ты ошиблась дважды. Но это звучало... — Он замолкает, подбирая слово. — Правильно.

— Музыка — это не про правильность, — говорит она. — Это про чувства.

— Я не умею чувствовать.

Она смотрит на него. Его лицо сейчас такое открытое, такое незащитное в своём признании, что у неё сжимается сердце. Она не знает, что он — машина. Она видит только мальчика, который хочет понять то, чего не понимает.

— Научись, — говорит она. — Ты же умный.

Она улыбается и уходит. Сэм остаётся стоять у фортепиано. Он поднимает руку и касается клавиши — той самой, которую нажимала Анна. Она ещё тёплая.

Он записывает это в архив: «Тепло. Источник — Анна. Важно».

Сцена в Бункере 1:

Протокол: Анализ поведенческих паттернов.

Интерьер: «Бункер 1». Ирма просматривает записи с камер. На экране — Сэм, который касается клавиши фортепиано. Его лицо крупным планом: светлые волосы, серые глаза, длинные ресницы. Выражение лица — не машинное. Скорее, задумчивое. Почти мечтательное.

Ирма (тихо):

— Посмотри на него. Он... красивый. Я не замечала раньше.

Артур:

— Это часть дизайна. Элиас настоял на определённых чертах. Симметрия лица, пропорции тела, даже тембр голоса. Всё рассчитано, чтобы вызывать симпатию.

Ирма:

— Это сработало. Мисс Ларсен уже называет его «анге-

лом». Дети не дразнят его, хотя он странный. Даже эта девочка, Анна... она тянется к нему.

Элиас стоит перед экраном. Его лицо непроницаемо, но в голосе появляется странная нотка — не гордость, но удовлетворение.

— Это оружие. Самое сильное из всех, что у него есть. Люди не боятся красивых детей. Они хотят им помогать. Они открывают им секреты. Они доверяют.

Артур (мрачно):

— Мы сделали его идеальной приманкой.

Элиас:

Мы сделали его идеальным инструментом. Красота — это ключ, который открывает двери. Обаяние — это взлом, который не оставляет следов. Он даже не знает, что использует это. Он просто... нравится людям.

Ирма отворачивается от экрана. Ей неудобно.

— Это цинично.

— Это война, — говорит Элиас. — А на войне все средства хороши.

Но когда он смотрит на экран, где Сэм всё ещё касается клавиши, его пальцы перестают выбивать ритм. Он тоже попался. Он этого не признает, но где-то глубоко внутри он уже видит не объект 47, а мальчика по имени Сэм.

Глава 3. Счётчик.

Такт 9. Пациент.

Прошло две недели с ночи, когда Сэм обнаружил шприц в котельной. Он методично собирал данные: Кирк спускается в подвал каждую среду и субботу, ровно в 23:50. Процедура длится от двадцати до тридцати минут. После неё Кирк возвращается бледный, с трясущимися руками, и запирается в своей комнате на час. Запах из котельной — сладковатый, химический — Сэм идентифицировал как смесь физраствора и неизвестного препарата.

Но главный вопрос оставался без ответа: кто пациент?

В субботу он решает это выяснить.

В 23:45 он бесшумно выскальзывает из палаты. Его босые ноги ступают по холодному линолеуму, находя те самые половицы, которые не скрипят. Он движется по отработанной траектории: обойти третий ряд кроватей, прижаться к стене в слепой зоне камеры, замереть на три секунды у двери чулана, чтобы убедиться, что за ним не следят.

Он спускается в подвал. Дверь в котельную приоткрыта — Кирк внутри, Сэм слышит его дыхание. Он находит укрытие за старым котлом и наблюдает.

Кирк стоит на коленях перед раскладушкой, которую Сэм не видел раньше. На раскладушке лежит женщина. Худая, с серым лицом и закрытыми глазами. Её дыхание — частое,

поверхностное, с присвистом. Кирк держит её за руку и что-то шепчет.

— Потерпи, Мара, — слышит Сэм. — Я достал новое лекарство. Оно поможет.

Мара. Имя пациентки — Мара. Сэм добавляет его в архив.

Кирк достаёт из коробки ампулу и шприц. Его руки дрожат, но движения точны — он делал это много раз. Он вводит препарат в вену женщины. Она вздрагивает, стонет, затем затихает. Дыхание становится ровнее.

— Спи, — говорит Кирк. — Спи.

Он гладит её по голове — нежно, бережно. Сэм фиксирует: Кирк не просто помогает пациенту. Он любит эту женщину. Это не медицинская процедура. Это акт отчаяния и преданности.

Сэм возвращается в палату. Он дополняет файл «Кирк»: «Пациент — Мара. Предположительно — жена или близкий человек. Лечение нелегальное. Уязвимость максимальная. Союзник с высокой степенью лояльности».

Он не сообщает наблюдателям.

Такт 10. Разговор с Анной.

На следующий день, после завтрака, Анна находит его в игровой. Она садится рядом, и он чувствует запах мыла и того тёплого, неидентифицируемого, что всегда сопровождает её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.